

Дюма А.

В России к литературе Франции всегда относились с особой любовью, считая ее как бы своей, почти родной. Не зря «солнце нашей поэзии» А. С. Пушкин даже имел прозвище Француз.

Уже третий год многие наши известные издательства при поддержке Министерства иностранных дел Франции и посольства Франции в России осуществляют широко задуманную программу издания на русском языке французской изящной словесности и литературы по гуманитарным наукам. И нетрудно догадаться, что программа этой присвоено имя Пушкина.

Сегодня «ЛГ» посвящает страницу французской литературе. Имена Александра Дюма и Пьера Буля объединяют и «острый галльский смысл», и настоящая человечность.

13.01.93

Лит. газета. - 1993. - 13 янв

(21-2)-СБ

Грезы художников правдивее их поступков Неизвестное интервью Александра Дюма

большим художником, поэтому я и включил этот эпизод в книгу и попытался пересказать его по-своему, полагая, что грезы художников столь же правдивы, может быть, даже более правдивы, нежели их поступки...

Дюма. Разве однажды я уже не сказал нечто подобное?

Л. Т. По-моему, сказали, я что-то припоминаю. Теперь вы лучше поймете те вольности, которые я иногда позволял себе в обращении с фактами вашей жизни. Чтобы досконально точно их восстановить, мне, помимо ваших «Мемуаров», которым почти нельзя доверять — я только что доказал вам это на примере, — понадобилась бы целая гора документов. Предположим, что эту работу я проделал. И какой персонаж предстал бы перед людьми?

Дюма. Вероятно, я?

Л. Т. Да, вы, Александр Дюма, но

увиденный глазами регистратора актов гражданского состояния, агента полиции, судебного репортера, который писал о вашей тяжбе с Катрин, когда вы требовали вернуть вам маленького Александра, глазами литературного критика, которому вы нравились, и газетного хроникера, который вас ненавидел, драматурга, что завидовал вам, и друга, что плохо вас понимал, наконец — брошенной вами любовницы.

Дюма. Вы хотите доказать, что биография — жанр невозможный, а история всегда лжива?!

Л. Т. Я не стал бы заходить так далеко. Вы сами, месье Дюма, как-то заметили: «Общаться с публикой талантливые люди всегда должны были бы только посредством своих произведений». Я поймал вас на слове.

Дюма. Не понимаю.

Л. Т. И еще вы сказали, что готическое произведение никогда не бывает

столь же прекрасным и чистым, как произведения, живущие в мечтах, хотя только последние и важны...

Дюма. Разве я это сказал?

Л. Т. Да. А еще вы утверждали, что жизнь — это творчество... Вы понимаете меня? Важна та жизнь, которая вам грезилась. Вот я и попытался выдумать вас — персонажа, героя, но не школьника из Вилер-Котре, не жителя Парижа, не избирателя, не кандидата в депутаты от республиканцев, даже не драматурга, не соратника Гарибальди. Нет, в миллионах (я отнюдь не преувеличиваю) написанных вами страниц я пытался постигнуть те образы, которые грезились вам о себе самом. Я не мнил себя историком, биографом или критиком. Читатель ваших книг, восхищенный вами и влюбленный в вас, я старался при помощи воображения сотворить из вас легендарного героя, который благодаря своей невероятной жизненности вскормил целую толпу персонажей, сотворенных по вашему образу и подобию. Литературный обман, позволивший мне находиться сейчас перед вами, не позволяет мне надеяться на ваш ответ и — увы! — на ваше согласие. Я лишь смею смиренно напомнить, что именно таким образом вы создали большинство наших героев, особенно величайшего из них — д'Артаньяна!

Дюма (со вздохом). Да, этот «обман» не даст мне возможности ответить... Но зато позволит задать вам несколько вопросов. Великий ли я писатель?

Л. Т. Прежде всего ответьте: что вы сами думаете об этом?

Дюма. Я всегда считал себя популяризатором. Ламартин был мечтателем, Гюго — мыслителем, а я — популяризатором. Я утешал то, что было слишком утонченным в мечтах Ламартина, и то, что было слишком мудрым в мыслях Гюго. Я воплощал в плоть мечты одного и вносил ясность в мысль другого, и этими двумя блодами потчевал публику... Читателю, моему старому другу, я с первой страницы неизменно обещал доставить удовольствие и плохо ли, хорошо ли держал свое слово. Ведь, строго говоря, один собирает урожай, другой свозит его в закрома, третий его

обмолочивает и провеивает. Я — мотильщик и веяльщик. Потом все, что оставалось, высыпалось из веялки, я пускал на корм курам, которые все сбегались на мой голос, им знакомый, тогда как голоса Ламартина и Гюго, двух моих друзей, были им почти неизвестны, хотя, честно говоря, в литературе они занимают более высокое место, чем я... Вот что я думал о своем творчестве. Ну, а как сегодня? Признают ли меня великим писателем?

Л. Т. Все, месье Дюма, зависит от смысла, какой вкладывают в слова «великий писатель». Если великий писатель — тот, кто придает прекрасную и окончательную форму великим мыслям, страхам и надеждам своей эпохи, если великий писатель — тот, кто обогащает сознание людей своего времени и всех времен о человеке, его величии и убожестве, то в этом случае вы — писатель не великий. Но если рядом с великими писателями есть место для других писателей, которые воплощают в бессмертные мифы расхожие мысли и «лубочные образы» и мифы эти питают мечты целого народа, если эти писатели на протяжении веков несут миллионам читателей во всем мире — я ничуть не преувеличиваю — наивные истории о величии, честности и героизме, то вы — писатель великий.

Дюма. Значит, меня много читают?

Л. Т. Вас читают и неустанно переиздают во всех странах света. Более того. Ваши герои, ваши сюжеты сошли со страниц ваших книг и зажили собственной жизнью. Д'Артаньян — не просто герой прославленного романа, он бессмертный миф. И вы, вдохнувший жизнь в своих героев, которые более истинны, чем реальные люди в истории, вы тоже стали бессмертным мифом. Утверждают, что вы проливали слезы, повествуя в «Виконте де Бражелоне» о смерти вашего дорогого Портоса. Наверное, я тоже бы плакал, доведись мне рассказывать о вашей старости и вашей кончине. Но ведь вы живы, месье Дюма, не так ли?

Вступление и перевод
с французского Льва ТОКАРЕВА

Рис. Ирины ШИПОВСКОЙ

«Не пишите ничего, что потомство сочтет незначительным», — советовал Вольтер. Совет полезный, но неисполнимый: вряд ли кому-либо из пишущих дано знать, что потомки будут читать, что — отвергать.

Александр Дюма был решительно не согласен с Вольтером, даже назвал это его суждение глупостью. Но он ценил другой вольтерсовский афоризм: «Все жары хороши, кроме скучного», — и страстно, увлеченно, не заботясь о «значительности» создаваемого, писал пьесы и романы, стихи и газетные статьи, путевые очерки и мемуары (среди его сочинений, например, есть даже прелестная книжечка «Змеи»). Прав, вероятно, прославленный французский историк Жюль Мишле, который, восхищаясь феноменальной творческой энергией и жизнелюбием писателя, сказал Александру Дюма: «Вы не человек, вы — стихийная сила».

Казалось бы, телевидение и кино, потоки самой разнообразной «массовой литературы» должны были затмить историко-приключенческий роман Дюма, проникнутый столь чуждым нашей эпохе духом благородства и романтикой высоких чувств. Но этого не случилось, и Александр Дюма вновь оказался в России самым печатаемым и читаемым зарубежным писателем. Московское издательство «Арт-Бизнес-Центр», несмотря на тяжелые времена, даже выпускает в весьма изящном исполнении солидное собрание сочинений Александра Дюма... в 50 томах!

Попытку выяснить тайну феномена А. Дюма предпринял и бельгийский писатель Леон Торанс, автор отличной книги «Пылкая жизнь Александра Дюма». Прибегнув к условному приему «воображаемого интервью», он решил побеседовать на эту актуальную тему с самим творцом «Трех мушкетеров».

В минувшем году исполнилось 190 лет со дня рождения Александра Дюма. Почти два века — вполне достаточный «испытательный срок» для бессмертия.

Л. Торанс. Месье Дюма, я закончил. Дюма. Что вы закончили, милостивый государь?

Л. Т. Сам не знаю... Поскольку я затрудняюсь определить жанр своей книги, то решил встретиться с вами и

прибегнуть к одному из тех литературных обманов, которые... Надеюсь, вы меня понимаете?

Дюма (подмигнув). Конечно, понимаю! Но ведь вы упомянули о книге?

Л. Т. Да, о книге, месье Дюма, и ее главный герой — вы. Это не биография в общепринятом смысле слова, а почти роман...

Дюма. Вы хотите намекнуть, что весьма вольно обошлись с подлинными фактами?

Л. Т. Да, это так.

Дюма. Ах, вот оно что! Но, сударь, это серьезное дело!

Л. Т. Разумеется, серьезное, я знаю. Поэтому и пожелал с вами объяснить. Но прежде позвольте мне задать вам один вопрос. Хорошо ли вы помните взятие Суасона?

Дюма. Отлично помню. Это было одно из самых чудесных моих приключений.

Л. Т. Никто в этом и не сомневался. Стоит лишь прочесть длинную главу, посвященную вами взятию Суасона в ваших «Мемуарах», которые, если наши сведения точны, вы написали во время эмиграции в Брюссель, в 1852 году.

Дюма. Ваши сведения точны.

Л. Т. А когда вы писали эту главу, верили ли вы сами в то, о чем рассказываете?

Дюма. Что вы хотите сказать? Л. Т. Чувствовали ли вы, что все, рассказываемое вами, правда?

Дюма. А как же, черт возьми!

Л. Т. Значит, все, написанное вами, правда?

Дюма. Что-то я вас не понимаю.

Л. Т. Простите меня, месье Дюма, но вы никогда не были в Суасоне по поручению генерала Лафайета, не захватывали пороховой склад, не возвращались с триумфом в Париж во главе обоза с порохом и патронами... Мы это знаем.

Дюма (с улыбкой). Что ж, вы действительно правы... Но признайтесь, что глава хороша, стремительна...

Л. Т. Так же хороша, месье Дюма, как любая глава из «Трех мушкетеров». Поэтому я и отличаю правдивое от фактически точного. Ведь в вашем рассказе о взятии Суасона с человеческой точкой зрения все правдиво, с литературной — все прекрасно. Вам пригрезился этот подвиг. Вы были